Игры разума

Россия не умеет защищать свою интеллектуальную собственность

Александр Беккер
Ведомости
18 сентября 2002

Россия обречена быть кладовой сырья, пока не поставит себе на службу плоды ума соотечественников. Владимир Путин однажды сказал, что за 10 лет страна лишилась интеллектуальной собственности на $400 млрд. Впрочем, эксперты недоумевают по поводу суммы потерь, указанной президентом. Хронику потерь интеллектуальной собственности никто не вел, и какие дивиденды делают на ней иностранные собственники, даже приблизительно оценить нельзя. Ясно только, что масштаб утрат огромен.

На днях глава Счетной палаты (СП) Сергей Степашин ходил на прием в Кремль, чтобы убедить Путина в корне изменить систему распоряжения результатами научных исследований и конструкторских разработок. Государство, считает СП, должно юридически закрепить за собой только тот интеллектуальный продукт, который касается национальной обороны и безопасности. Все остальное следует передать создавшим новое "знание" - гражданам и предприятиям. Лишь они смогут запустить "игры разума" в коммерческий оборот, привлекая для этого инновационные структуры.

Кто владелец?

Большие выводы начались с рутинной проверки. СП смотрела, как исполнялся бюджет за 2000 г. Наткнулись на любопытную статью: планировалось получить 9,6 млрд руб. доходов от научно-технической деятельности, а поступило всего 0,2%. Задались вопросом - почему? И, как иногда водится, дернули за нитку, а вылез крокодил.

Чтобы добраться до истины, СП стала изучать, как распоряжаются федеральной собственностью Минпромнауки, Минфин, Минобороны, Минатом и другие ведомства. Итоги оказались обескураживающими. Выяснилось, что страна практически не имеет системы учета, контроля, правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности. Результаты научной деятельности в экономический оборот вовлекаются скверно. Коммерчески значимые разработки чаще всего уходят на теневой рынок.

В СССР внедрять изобретения не умели, зато держало их государство за семью печатями. Сломалось все в начале 90-х. "На паре дискет со сжатием информации можно вывезти из страны любой секрет", - откровенно заявил специалист оборонки.

Первый замминистра Минпромнауки Андрей Фурсенко указывает на то, что приватизировалась только материальная часть предприятий, за скобками осталась интеллектуальная собственность - патенты, изобретения, авторские права. Между тем интеллектуальные активы, например АНТК "Туполева", превышают материальные в 14 раз. Власти ни секунды не сомневаются, что интеллектуальная собственность по-прежнему принадлежит государству. Первый замминистра юстиции Юрий Демин убежден: раз научно-исследовательские и опытно-конструкторские и технологические разработки (НИОКТР) создавались на деньги советского, а потом российского бюджета, они являются собственностью государства. "Ученый создавал "продукт" не на коленке у себя на кухне. Он получал зарплату из бюджета, как же это может принадлежать ему", - говорит чиновник.

Руководитель Центра правовой защиты интеллектуальной собственности Владимир Энтин считает, что претензии государства на "все-все-все" не имеют под собой оснований. Он утверждает, что и в советские, и в постсоветские времена казна финансировала не конкретные изобретения, а содержала научные учреждения и КБ. Авторские свидетельства выдавались на изобретателя, а патенты и товарные знаки регистрировались за предприятием. "Если взять Гражданский кодекс РФ, то ст. 138 признает исключительное право [собственности на изобретения] только граждан и юридических лиц, - говорит Энтин. - А Патентный закон РФ не предусматривает закрепление за государством исключительных прав на изобретение, полезную модель, промышленный образец".

Но власти опираются на указ президента N 556 от 14 мая 1998 г. и постановление правительства N 1132 от 29 сентября того же года. Эти документы закрепляют за РФ все результаты НИОКТР военного, специального и двойного назначения, когда-либо созданные на бюджетные средства. Но попытки представить РФ владельцем интеллектуальной собственности указами и постановлениями не нашли понимания у председателя Высшего арбитражного суда (ВАС) Вениамина Яковлева. В своей монографии он пояснил, что акты президента и правительства, вступившие в силу после введения I и II части ГК и противоречащие им, "не должны признаваться имеющими юридическую силу". Вывод председателя ВАС лаконичен: права государства могут быть закреплены исключительно законом.

Эта дискуссия приобретает оттенок академической, если учесть, что государство и не знает толком, что ему принадлежит. Как ни приказывали президент и правительство, но до сих пор так и не сформирована единая государственная система регистрации и учета интеллектуальной собственности. Ученые с мизерной зарплатой и предприятия, чей госзаказ упал в разы, не хотели делиться сокровенным с государством. По данным Всероссийского исследовательского центра ВНИТИЦ, в 2000 г. три четверти научных организаций уклонились от регистрации результатов научно-технической деятельности и не представили отчеты в госсистему научно-технической информации. Все, что имело высокий коммерческий потенциал, выносилось из-под полы, документация и опытные образцы продавались всякому, кто заплатит. По экспертным оценкам, в 1992 - 2000 гг. только в США зарегистрировано свыше 1000 патентов на технологии оборонки, в изобретателях которых числятся таланты из России.

Хлебное место.

Жизнь, таким образом, шла в двух измерениях. Пока умные торговали интеллектом, государство ловило черную кошку в темной комнате. В мае 1998 г. указом президента правовая защита интересов РФ в области результатов НИОКТР военного, специального и двойного назначения была возложена на Минюст. Для этого постановлением правительства при Минюсте было создано Федеральное агентство по защите прав на результаты интеллектуальной деятельности (ФАПРИД). В СП считают, что агентству было где себя проявить. По данным Минобороны, СССР и Россия передали в основном странам Варшавского блока порядка 2300 лицензий на производство вооружений и военной техники. Срок большинства лицензий истек, оговоренное количество боевых единиц изготовлено, но страны продолжают серийный выпуск калашниковых, танков, БМП. Не платя России вознаграждение за лицензионное производство и демпингуя при продажах, эти государства подрывают российские позиции на рынке вооружений. ФАПРИД же, по мнению аудитора СП Владислава Игнатова, ударился в коммерцию - в ущерб основной деятельности по защите и восстановлению прав России.

Агентство не согласно. "Судиться по фактам незаконного производства за рубежом - это вопрос межгосударственных отношений", - парирует начальник управления ФАПРИД Андрей Волосатов. А первый замминистра юстиции Демин утверждает, что положение о Минюсте и устав ФАПРИД не предусматривают исков и судов по восстановлению прав России. Чтобы отсуживать свое за границей, правительство создало еще и межведомственную комиссию.

Для Счетной палаты это парадокс: с федерального органа власти ответственность сняли, возложив задачу на консультативный орган. За три года межведомственная комиссия, председательствует в которой Демин, собралась лишь однажды.

А ФАПРИД тем временем сосредоточил свои силы на заключении лицензионных соглашений с предприятиями-экспортерами. Агентство выявляет, нет ли в товаре новизны, которую следует запатентовать в России. Без визы ФАПРИД нельзя вывезти документацию или изделие, а за соглашение с агентством экспортер должен платить. Расценки ФАПРИД устанавливал сам, и порой они доходили до 6% стоимости контракта. С этого года закон о бюджете ограничил комиссионные 5%. "Они что, хотят пустить нас по ветру", - возмущается гендиректор НИИ Стали Валерий Григорян. По его расчетам, если отдать ФАПРИД запрошенное, это съест всю прибыль НИИ от контракта на поставку в Индию комплекса динамической защиты танка Т-90. Чтобы не сорвать исполнение контракта, Григорян хитростью, пообещав доработать соглашение позднее, поставил-таки документацию индийцам. Но что он выдумает в следующем году, когда заказчику потребуется сам комплект динамической защиты? Другие экспортеры ропщут тихо и лицензионные соглашения подписывают.

Бунт на корабле.

В прошлом году не выдержали члены РАН Жорес Алферов, Евгений Велихов, Дмитрий Львов и Борис Бункин. Они обратились к Владимиру Путину: "Деятельность ФАПРИД, который, выкрутив руки экспортерам под угрозой отказа в выдаче лицензии на экспорт наукоемкой продукции, принудил их к заключению более 200 "лицензионных" договоров, является политически и экономически вредной и создает угрозу раскола между властью и наукой". Заместитель гендиректора ФАПРИД Александр Кононец обвинений не признает: "Десять лет [без контроля] выпускали продукцию за рубеж. Скоро без штанов останемся и торговать будет нечем". Он говорит, что агентство претендует только на то, во что вложены бюджетные деньги, а с предприятий требует лишь оплаты услуг по проведению экспертиз и те делают это без принуждения. По словам Кононца, кроме НИИ стали, никто из 18 предприятий, участвующих в индийском контракте, не заявит о выкручивании рук. "Я был вынужден заключить с ними лицензионное соглашение, чтобы обеспечить поставку продукции за рубеж", - обреченно сказал главный конструктор Уральского КБ транспортного машиностроения Владимир Домнин.

В 2000 г. Минюст издал приказ - усилить контроль за вывозом товаров, содержащих НИОКТР военного, специального и двойного назначения. ФАПРИД отослал его в ГТК. Документ, противоречащий

Таможенному кодексу, был воспринят на таможенных постах как закон - ФАПРИДу доверили проверять не только весь экспорт, но и импорт. "Хочешь по-быстрому пройти таможню, заключай соглашение с агентством", - сказал сотрудник вполне невинного журнала, ввозивший его в Россию и нарвавшийся на грамотно устроенный госбизнес. Судиться с ФАПРИД, находящимся под крылом Минюста, считают занятием дорогим и бесполезным. Только НПО "Энергомаш" в 2000 г. вернуло деньги, выплаченные агентству по лицензионному соглашению. Арбитражный суд Москвы признал недействительной сделку с участием ФАПРИД, которому НПО за вознаграждение передало права на использование охраняемой коммерческой информации.

Очевидно, впрочем, что вначале ФАПРИД сыграл положительную роль. В период, когда разработки продавались направо и налево, агентство встало на пути лавины. "С технической точки зрения деятельность ФАПРИД была некорректной, но политически она оправдана тем, что агентство заставило всех обратить внимание на распыление и утечку интеллектуальной собственности", - говорит руководитель департамента Минпромнауки Олег Фомичев.

Это соображение, однако, не примиряет с действительностью госзаказчиков технологий в лице Минобороны и Минатома, без согласования с которыми ФАПРИД заключает лицензионные договоры. По данным СП, более 79% лицензионных договоров с экспортерами агентство не согласовало с госзаказчиками. Полгода назад министр обороны Сергей Иванов и министр атомной промышленности Александр Румянцев вместе жаловались Путину на то, что "не имеют информации о том, кому и на каких условиях ФАПРИД передал исключительные права на использование технологий, критически важных для поддержания и развития вооружений и атомной энергетики". ФАПРИД, по сути, присвоил права государства. СП констатирует, что только 5% лицензионных договоров заключается от имени РФ, остальные 95% - от имени агентства.

Бюджету от кипучей деятельности ФАПРИД досталось всего 20,79 млн руб. в 2000 г. (0,2% от плана) и немногим больше 60 млн руб. - в 2001 г. (0,55%).

Государство просят поделиться.

"Фактически в РФ сложилась неконтролируемая система утраты исключительных прав, - пишут аудиторы СП. - Одна из главных причин - отсутствие внятной государственной политики в сфере интеллектуальной собственности, предусматривающей сбалансированность прав и интересов всех субъектов правоотношений". Руководитель Центра правовой защиты интеллектуальной собственности Энтин говорит, что государство пожинает плоды неуемного желания быть правообладателем всей когда-либо созданной на бюджетные деньги интеллектуальной собственности. Учета нет, законодательство рыхлое, денег на полноценное вовлечение результатов интеллектуальной деятельности в оборот тоже не хватает. При этом, замечает Анна Клишина, представляющая коллегию адвокатов "Клишин и партнеры", законодательство в данной сфере раздроблено, а в ГК отсутствует раздел "Интеллектуальная собственность".

Первый замминистра Минпромнауки Фурсенко признает, что государство все равно финансово не обеспечит коммерческий оборот существующей интеллектуальной собственности. "Зачем сидеть как собака на сене, - говорит чиновник. - Если государству что-то действительно нужно, оно должно гарантировать затраты на патентование, защиту и введение в хозяйственный оборот". Энтин предлагает для начала завершить инвентаризацию нематериальной части федеральной собственности. Если в ходе приватизации интеллектуальная собственность не поставлена на баланс АО, но использовалась, то необходимо ее оценить и с учетом этого заново определить долю государства в капитале предприятия.

В предложениях СП новая система выглядит так. За Российской Федерацией закрепляется только интеллектуальная собственность, непосредственно связанная с обеспечением обороны и безопасности. В эту же категорию, по мнению Фомичева из Минпромнауки, попадают исследования в области здравоохранения, продовольственного обеспечения нации, сфера экологии. Естественно, ввод в хозяйственный оборот обеспечивается здесь за счет казны. При госзаказчиках, вроде Минобороны и Российской академии наук, предлагается создать целевые бюджетные фонды. Хочешь наполнять их - отбирай такие НИОКТР, которые будут прибыльны. При таком порядке не будет безудержного проедания средств на науку, ежегодно выделяемых из бюджета. Фонды будут работать фактически на самоокупаемости. Деньги из фонда будут направляться на поддержку приоритетных разработок в сфере вооружения и военной техники, инновационной деятельности, патентно-лицензионные работы и на поддержку ученых. Именно так сейчас работает фонд развития Минатома, что позволило сохранить институты, ученых и развить технологический задел.

А вот все, что неподъемно для бюджета, нужно передать организациям-разработчикам. Без них все равно невозможно вовлечь в хозяйственный оборот разработки - ноу-хау известны только авторам, а на них давить без толку. Ученый с мизерной зарплатой скорее передаст государству права на горы бумаги, а оригинальные идеи и ценные знания прибережет, чтобы при случае реализовать на теневом рынке. При этом, замечает Фурсенко, для защиты интересов государства можно предусмотреть гарантированное приобретение

неисключительной, безотзывной и безвозмездной лицензии. То есть предприятие может спокойно пользоваться результатами НИОКТР для производства внутри страны. Но, как только оно вознамерится использовать их для продажи за рубеж, оно должно оговорить условия экспорта с государством.

Так плохо, что может быть только лучше.

"Худший менеджер - это ученый", - говорит руководитель инновационной фирмы "Техноконсалт" Владимир Первушин. Сам он выходец из советского оборонного НИИ и понимает, как устроены директора российских институтов. Они убеждены, что без подсказчиков разберутся, что почем на рынке. Люди науки в принципе не доверяют фирмам, специализирующимся на венчурном бизнесе, и не подпускают к своим находкам. Таким образом, в России классическая цепочка разорвана в самом начале. В мире же она выстроена так. Есть многообещающие разработки. Научная организация создает под них структуру с участием ученых и менеджеров, договариваясь о своей доле в будущих доходах. Менеджеры находят заказчика, подтягивают капитал, доводят "сырье" до опытного образца или серийного производства. В такой схеме применительно к России НИИ уже не стоит с протянутой к казне рукой. Университеты США ежегодно зарабатывают на научных разработках свыше $500 млн. Между тем в России до рынка доходит 4 - 6% проектов, а из технологий, относимых к прорывным, - 0,5 - 0,7%.

Все эксперты признают, что рыночная инфраструктура инновационного бизнеса у нас только зарождается. Директор Центра коммерциализации технологий Академии народного хозяйства Владимир Зинов около года создает инновационную структуру под стать американским университетам. Делает это по договоренности с директором Института химической физики в подмосковной Черноголовке. "Здесь все построено под науку, - говорит Зинов. - А чтобы коммерциализировать интеллект, каждый ученый должен подписаться, что передает права на будущее изобретение институту. Но в трудовых договорах сотрудников про распоряжение интеллектуальной собственностью нет ни слова". В такой обстановке рискованно заключать договор с НИИ - вдруг ученый продаст продукт на стороне.

Зинов - один из очень немногих предпринимателей, пытающихся создать в стране инновационную инфраструктуру. В США инновационных фирм свыше 120 000, а у нас, хотя бы с натяжкой причисляемых к таковым, - 150. Да и сосредоточены они в основном в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Самаре, Нижнем Новгороде.

Кое-кому что-то удается. Инновационному агентству Бориса Симонова шесть лет, два десятка менеджеров. Созданное в форме некоммерческого партнерства агентство существует на взносы 26 организаций и используется ими как пружина для выстреливания технологий на рынок. Взносы стали стартовым капиталом перспективных проектов, а прибыль от их реализации пошла на заново отобранные. "Селекция построена на двух принципах, - поясняет Симонов, - коммерческого потенциала проекта и инновационного риска". Из-за специфики венчурного бизнеса - риска и небыстрой, как правило, окупаемости - российские банки "проекты будущего "не финансируют. "А что я возьму в залог под трехлетний кредит, если таких понятий, как ноу-хау или интеллектуальная собственность, нет в нашем законодательстве", - несколько смущаясь своей "несознательности" говорит российский банкир. На памяти Натальи Золотых, возглавляющей фирму патентных поверенных "Транстехнология", только один банковский кредит. Да и то главную роль, по ее словам, сыграл не патент, а те контракты на поставку оборудования, которые уже имел обладатель патента.

Поэтому все задействованные в инновационном бизнесе российские компании сориентированы на иностранный капитал. Инновационное агентство финансирует сейчас из собственных средств четыре проекта (в среднем по $300 000 на каждый) , а около 30 проектов замкнуты на внешние источники. Для Запада интеллектуальная собственность - надежный залог, особенно когда проект, что называется, "вылизан". В такие проекты, по словам Симонова, вкладываются бизнес-ангелы. Это венчурный капитал, который не прибегает к услугам банков или фондов, а принимает самостоятельное решение о финансировании. Первушин из "Техноконсалта", у которого в обороте сегодня несколько десятков проектов, опирается на стратегический капитал в лице американской "Доу кемикал", южнокорейской "Самсунг", японской "Сумитомо". "Они хотят иметь технологический задел на 20 - 30 лет и, зная российский научный потенциал, делают заявки", - говорит Первушин. Проблема, однако, в том, что "ангелы", входя в долю с нашими компаниями, требуют, чтобы российская интеллектуальная собственность регистрировалась "там", а стратегические инвесторы, дав деньги, потом "выносят" из России результаты интеллектуальной деятельности. Одна радость - "мозги" в этом случае остаются в России.

Исследования, проведенные Золотых, показали: сколько ни выделяй из бюджета научным организациям, все уходит на исследования, а не на продвижение разработок на рынок. Если бюджет в НИИ до $5 млн, то расходы на патентование составляют 0,34% от этой суммы, а если от $5 млн до $50 млн, то 0,4%. Зинов говорит, что поступления от венчурных проектов или продажи лицензии повсюду в мире не превышают 20% доходов научных организаций. Больше они зарабатывают на заказных НИОКР. Однако коммерциализация принципиальна для НИИ, так как позволяет стабилизировать научный коллектив,

ускоряет исследования, привлекает талантливых. Первушин рассказал, что недавно приехал к ним предприниматель из Набережных Челнов и попросил подобрать ему инновационный проект: "В торговле, говорит, все возможности исчерпаны, деньги карман жмут, а за венчурными проектами, чувствую, будущее".